

ЛЕГЕНДЫ ЗАБЫТОГО ГОРОДА

АБРАМОВ ДМИТРИЙ АНДРЕЕВИЧ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Абрамов

Легенды забытого города

«Автор»

2025

Абрамов Д. А.

Легенды забытого города / Д. А. Абрамов — «Автор», 2025

Городов становится всё больше, но некоторые из них со временем оказываются заброшенными. Одни опустели после закрытия градообразующих предприятий, другие — из-за удалённости от крупных центров. А какие-то были просто забыты, оставив после себя пелену тайн, скрывающих всё, что когда-то там происходило. Именно об историях одного такого города — некогда забытого и покинутого — пойдёт речь в этой книге.

© Абрамов Д. А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Названный гость	6
Вечная ночь	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Дмитрий Абрамов

Легенды забытого города

Эта книга состоит полностью из фантазий и вымыслов автора не имеет никакого отношения к реальности и не призывает ни к чему все события люди и места вымышлены. Возможно.

Названный гость

Пятую ночь подряд я не мог сомкнуть глаз. В мою дверь стучали — кто-то или что-то. Казалось, будто я ненароком притянул к себе эту тьму, и теперь она не желала отпускать. Но обо всём по порядку.

В нашем подъезде давно творилось неладное: то без причины взрывались лампочки, то жильцы жаловались на топот и грохот, будто кто-то носился по лестницам. Люди слышали странные звуки, возникавшие словно из ниоткуда. Я переехал сюда и почти сразу ощутил это влияние: не раз просыпался среди ночи от жуткого грохота, доносившегося из подъезда. Бывало, казалось, что по этажам со скоростью бегущего ребёнка проносится тяжёлый, упитанный мужчина — и этот грохот разносился по всему дому.

Однажды, не выдержав, я решился взглянуть в глазок. В тот вечер я вернулся с работы поздно, часов около десяти: задержался, устал до изнеможения. Всё, чего хотелось, — упасть на кровать и проспать до десяти утра, ведь была пятница. Но моим планам не суждено было сбыться. Стоило закрыть дверь, как из подъезда вновь донёсся знакомый грохот. Не придумав ничего умнее, я прильнул к глазку.

Сначала подъезд был хорошо освещён — лампочки исправно горели, выхватывая из темноты лестничные пролёты. Но внезапно свет погас. В крошечной тьме лишь лунный свет слегка рассеивал мрак. И тут снова раздался грохот — он поднимался с первого этажа, стремительно, как топот бегущего ребёнка. Я жил на третьем, так что виновник не заставил себя долго ждать. Когда звук достиг моего этажа, я увидел лишь тень — она скользила по стене, оставляя за собой грохот, словно человек перекачивался со стены на стену.

Я решил, что просто переутомился и не разглядел человека. Немного выждав, распахнул дверь и крикнул:

— Эй, придурак! Иди отсюда! Ты уже всем жить мешаешь!

Затем закрыл дверь и пошёл спать. Но сон мой был грубо оборван: кто-то начал неистово колотить в дверь, будто пытаясь сорвать её с петель. Я снова подошёл к глазку, всмотрелся — и не увидел ничего. Ни души. Но тут же услышал голос — тяжёлый, усталый, будто говоривший стоял прямо у уха:

— Открой. Впусти переночевать.

Меня прошиб настоящий ужас. Глазок охватывал весь лестничный пролёт, и в нём не было ни намёка на чьё-либо присутствие. А голос звучал так отчётливо, словно его шептали прямо в ухо. Я отпрыгнул от двери, будто на её месте вдруг выросли шипы, и, пятясь, уполз в глубь квартиры — на кухню, подальше от этого кошмара. Но стук не прекращался. Он становился всё сильнее, всё настойчивее, с каждой секундой будто набирая ярость.

Никогда не был верующим, и даже в новой квартире в первые дни постарался избавиться от всего, что напоминало о религии — в том числе от вещей бабушки, прежней владелицы. Но в тот момент я всё же отыскал крестик — глупую, отчаянную надежду на спасение. Не раздумывая, швырнул его к двери.

И тогда раздался хохот — оглушающий, грохочущий, будто металл ударялся о металл. А следом — крик:

— Открой!

Я отключился. Не помню, как это произошло, — меня просто выключило, словно кто-то дернул рубильник в голове. Очнулся я от солнечного света, бившего в глаза сквозь кухонное окно. Осознав, где нахожусь, я тут же вспомнил всё, что происходило ночью, и меня сковал ледяной ужас. Но в квартире царила тишина.

С робкой надеждой, что всё это был лишь дурной кошмар, порождённый усталостью, я радовался наступившей тишине. Приготовил лёгкий завтрак, зевая, накинул куртку — решил выйти прогуляться, проветрить голову. Но, подойдя к двери, я замер: она выглядела странно, перекошенной, будто в неё ударили тараном. Открыв её, я увидел то, чего боялся больше всего: вся дверь со стороны подъезда была покрыта вмятинами — глубокими, размером с кулак, будто по ней били молотком снова и снова.

Тогда я понял: это не был сон.

Соседняя дверь приоткрылась, и на пороге появилась бабулька — старожил этого недоброго дома.

— Мелок, ты ночью дверь открывал? — спросила она.

Увидев страх в моих глазах, она всё поняла.

— Дурак... Теперь ты навлёк на себя беду. И думай теперь, как расхлёбывать будешь. Предыдущая хозяйка просто продала квартиру... Теперь-то я понимаю: она тебе ничего не объяснила.

— Что это было? — выдохнул я. — Как от этого спастись?

— Это наш Ночной гость, — тихо, без тени насмешки, ответила она. — Он гуляет по подъезду уже давно. Если кто-то откроет ему дверь, он будет стучать, пока не войдёт. А что потом будет — никто не знает. Потому никто и не открывает. Зачем нечистого к себе в дом звать?

Её слова прозвучали не как суеверие, а как горькая, выстраданная истина. Я удручённо кивнул. Оставалась лишь одна надежда — церковь. Недалеко от дома стояла старая церквушка; возможно, священник сможет помочь. Пусть я и не верил, но сейчас любая надежда казалась спасением.

Придя в храм, я с трудом сдержал разочарование при виде священника: грузный мужчина с бородой и золотыми цепями, он выглядел так, будто больше верил в прибыль, чем в Бога. Но выбирать не приходилось. Я рассказал ему всё, попросил освятить дверь, помочь хоть чем-то.

Он лишь равнодушно взглянул на меня и спокойно произнёс:

— Пять тысяч на храм — и я приду, всё освящу.

Пять тысяч... Не такая уж большая цена за спокойный сон. Я согласился.

Священник пришёл, прочитал несколько молитв, обрызгал дверь какой-то жидкостью, затем перешёл к соседским дверям, освятив весь этаж. Соседки, благодарные за «очищение», угостили меня пирожками. Я подумал, что, возможно, теперь смогу нормально выспаться хотя бы днём.

Проснулся я около шести вечера. В голове крутилась одна мысль: если он вернётся, я буду сидеть в квартире, пока эта хлипкая дверь не вылетит из петель. Приготовив ужин, я пытался убедить себя, что теперь всё будет иначе — никто не будет бегать по этажам, никто не станет стучать. Но едва я успел доест, как услышал скрипучий голос за дверью:

— Открой... Бить не буду. Дай переночевать. Прошу.

Вся моя мнимая смелость рассыпалась в прах. Адреналин ударил в виски, и я застыл, не зная, что делать. Но, по крайней мере, он не колотил в дверь. Я решил заговорить с ним — возможно, это был единственный способ избавиться от него. Пусть это и казалось безумием.

— Кто ты? Что тебе нужно? — выкрикнул я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Ночлег дай. Переночевать прошу.

— Уходи. Я никого не впускаю. Не знаю, кто ты, но дверь не открою.

Произнеся это, я машинально взглянул в глазок. Несмотря на то что за окном ещё светила луна, на этаже царил кромешный мрак. По крайней мере, в поле зрения глазка не было ничего. Но затем тьма пошевелилась. Я понял: он стоит прямо перед дверью и ждёт, когда её откроют.

Тишина повисла в воздухе, густая и тяжёлая, и вдруг её разорвала грубая фраза:

— Ты видишь меня. Открой.

Она ворвалась в мои мысли, как лезвие. Я начал тихо отходить от двери, надеясь, что он подумает, будто я его не заметил, и уйдёт. Но стоило мне сделать шаг, как раздался скрежет металла — будто кто-то водил ножом по двери.

— Открой, — прошипел голос. — Я и сам войду. Потом.

Я бросился в комнату, захлопнул дверь, попытался забаррикадироваться, но понимал: это не спасёт. Скрежет продолжался, казалось, он звучал прямо над моей головой. Я не мог уснуть всю ночь. Только под утро, когда часы показывали три, всё стихло.

Когда рассвело, я вышел в подъезд и замер. Старая железная дверь была исцарапана вдоль и поперёк — так, будто её драли когтями, а не ножом. Я зашпаклевал царапины, на скорую руку покрыл лаком — ударопрочным, как будто это могло что-то изменить. Денег на новую дверь не было: после покупки квартиры у меня почти ничего не осталось.

Так я прожил ещё два дня — слушая каждую ночь просьбы открыть и скрежет за дверью. Недосып сказывался: я отключался буквально на ходу, днём мог делать что угодно, но ночью не мог сомкнуть глаз, зная, что там, за дверью, кто-то ждёт. Я прятался даже в туалете — казалось, что дверь уже не выдержит. Сквозь лак и шпаклёвку проступала старая, гнилая основа; ещё немного — и она бы прорвалась внутрь.

Но в тот день я задержался на работе. Здесь, в тишине офиса, было спокойно. Время перевалило за десять вечера, но я не хотел возвращаться домой. «Если я приду, он меня убьёт», — крутилось в голове. Я решил остаться на ночь: выплусь, переработаю, а утром скажу, что всю ночь потратил на проект. Возможно, дадут выходной.

Ночь прошла спокойно. Впервые за долгое время я спал без страха. Утром пришёл начальник, удивлённо посмотрел на меня и сказал:

— Молодец. Похоже, ты выполнил задачу, на которую отводилась вся неделя. Иди домой, отдохни. На тебя смотреть страшно: в этих мешках под глазами можно не то что картошку — целое здание спрятать.

Шутка прозвучала неуместно, но я и сам понимал, что выгляжу так, будто балансирую на грани. Начальник всё же отпустил меня.

Поднимаясь к своей квартире, я чувствовал, как внутри всё сжимается от ужаса. Добравшись до этажа, я замер. Моя дверь была выбита — буквально вырвана из проёма и отброшена внутрь. Рядом стояли полицейские: их вызвала соседка, видевшая, как дверь буквально вылетает из коробки. Она боялась, что меня уже нет в живых.

Полицейские резко подошли ко мне, засыпали вопросами: что случилось, кому я перешёл дорогу, что натворил. Я не стал рассказывать им про Ночного гостя — про призрака, который ходит по этажам и вышибает двери. Просто сказал, что не знаю, что произошло, а сам ночевал на работе — было много дел.

Они, похоже, не поверили, но всё равно завели дело о вандализме. Ничего не пропало, но их встревожил сам факт: кому-то понадобилось просто так выносить дверь.

— Мы нашли записку, — сказал один из них. — Прибита к холодильнику.

Я прошёл на кухню и увидел: в дверцу холодильника была вбита записка — её прикололи тупой стальной палкой, похожей на ручку точилки для ножей. Дверца была пробита насквозь. На бумаге корявым, дрожащим почерком было выведено:

«Говорил, что войду».

Вечная ночь

Денег не было. Ничего не было. И смысла в жизни — тоже. А теперь, когда погибли родители, и вовсе не осталось причин задерживаться в этом городе. Уехать хотелось, но на билет нужны были деньги, которых у меня сейчас не имелось.

В нашем городке с работой было туго. Выбор сводился к двум путям: идти на завод либо сторожем куда-нибудь. А с моим образованием и опытом рассчитывать на что-то лучшее не приходилось. И всё же однажды в газете я наткнулся на странное объявление. Зарплата, образование и опыт не требовались. Для меня, загнанного в угол, это казалось манной небесной. Я решился и позвонил.

После бесконечного гудка в трубке раздался неожиданно мягкий женский голос. Мы обсудили условия, и меня пригласили на собеседование. Оно проходило в центре города, в небольшом офисе внутри старой пятиэтажки. Место выглядело подозрительно, но я старался не думать об этом. Как я понял, речь шла о научных исследованиях.

Суть работы оказалась пугающе простой: я должен был стать подопытным. Сто дней в замкнутой комнате, под наблюдением, пока учёные будут создавать разные стрессовые ситуации и фиксировать мою реакцию. Взамен мне обещали сумму, которую на заводе я заработал бы лишь за десять лет. Это было слишком заманчиво, чтобы раздумывать.

Прочитав договор, я не нашёл в нём ничего подозрительного. Лишь уточнил:

— Когда можно начать?

Миловидная девушка, проводившая собеседование, мягко улыбнулась:

— Хоть завтра. Просто приходите, назовите имя и фамилию — они уже будут в базе, и вас сориентируют.

Такая поспешность меня удивила, но я подумал, что им просто отчаянно нужны люди вроде меня — те, кому нечего терять.

На следующий день я пришёл, назвал свои данные охраннику и сказал, что был на собеседовании. Тот полистал журнал, посмотрел на меня и кому-то позвонил. Десять минут мучительного ожидания показались вечностью. Я уже начал думать, что это какая-то нелепая шутка. Но вскоре ко мне спустился мужчина в халате с бейджем.

— Геннадий? Вы на эксперимент?

— Да, вчера подписал договор.

— Отлично. Простите за ожидание — завал с бумагами. Пойдёмте, я провожу вас в вашу комнату. Вам уже кратко рассказывали условия?

— Только в общих чертах. Не могли бы повторить? Хочу понимать, что меня ждёт.

— Конечно. Вас поселят в комнате с одним окном. Минимальный комфорт, но всё необходимое будет. Еду и воду будут оставлять под дверью. Каждый день вам будут создавать определённые раздражающие и пугающие ситуации. Наша цель — изучить человеческую реакцию на стресс.

— То есть... меня будут пугать?

— Именно так. Никаких физических повреждений — только психологическое воздействие.

Я невольно усмехнулся:

— Всего-то?

Он кивнул, будто это и правда было пустяком.

Мы поднялись на пятый этаж. Комната оказалась обычной: жёлтые стены, кровать, маленькое окно, рядом — крошечные санузел и душевая. Обстановка не пугала. Скорее, выглядела как временное рабочее место.

— Ну, с новосельем, — сказал сотрудник, закрывая за мной дверь. Его слова прозвучали почти издевательски.

Первый день прошёл тихо. Были какие-то странные звуки — стуки, стоны, — но ничего по-настоящему страшного. Еду оставляли под дверью, и я забирал её, когда в коридоре становилось пусто. Никто не появлялся.

К десятому дню «пугалки» стали изощрённее. Кто-то пробирался ко мне ночью, будил, устраивал беспорядок. К пятнадцатому — стало по-настоящему неприятно. Проснувшись, я обнаружил в своей кровати ползающих червей. Как они туда попали, если я не просыпался, — загадка. Но больше всего пугало не это, а сама мысль, что кто-то может беспрепятственно проникать в комнату.

На восемнадцатый день ко мне зашёл человек без головы. Он простоял весь день, молча, неподвижно. Это раздражало, но страха почти не вызывало. На двадцатый день в воздухе появилась вонь — тяжёлая, гнилостная, будто где-то рядом разлагалось тело. Она проникала отовсюду: из ванной, из раковины, из туалета. Даже еда, на вид вполне нормальная, начинала казаться отравленной.

Тридцатый день принёс новую странность: в комнату вбежало нечто — чучело с искажённым лицом, множеством рук и ног. Оно шипело, кряхтело и тут же убежало. Если это должно было напугать, то не сработало. Я лишь подумал, что организаторы явно перегибают палку.

На тридцать пятый день начались эксперименты с едой. На завтрак мне принесли куски мяса — сырые, плохо прожаренные, отталкивающие на вид. Но голод брал своё, и я ел, стараясь не думать о том, откуда это взялось.

К сороковому дню я начал терять ощущение времени. Окно, раньше показывавшее день, теперь будто застыло в вечной ночи. Я ориентировался только по часам, которые стояли в комнате и отсчитывали дни. По ночам дверь начинала медленно открываться, и в проёме мелькала неясная фигура. Разглядеть её в темноте было невозможно.

На пятидесятый день эта фигура вошла в комнату. Она была почти двухметровой, с огромными зубами, и царапнула меня так, что на руке осталась глубокая рана. Тогда я впервые всерьёз подумал, что эксперимент вышел из-под контроля.

С пятьдесят шестого дня она приходила каждую ночь. Кричала, пыталась напасть. Я защищался стулом, не понимая, как вообще такое возможно. Врачи больше не заходили. Рану пришлось бинтовать чем попало.

К шестьдесят восьмому дню бумага для записей закончилась, а вместе с ней — и нормальная еда. На завтрак принесли нечто, напоминавшее человеческие пальцы. Я не стал это есть. Голод становился невыносимым, но ещё страшнее было осознавать, что я, кажется, схожу с ума.

Теперь меня посещали не только прежняя фигура, но и другие существа — призраки, монстры, кикиморы. Они причиняли не только моральный, но и физический вред. Один из них укусил меня за руку так, что кровь хлестала почти сутки.

Температура в комнате начала расти. Однажды она поднялась почти до сорока градусов. Окна не открывались, дверь оказалась заперта, а из кранов вместо воды текла густая грязь. Вонь стояла невыносимая.

Постепенно ночные гости перестали приходить. Остался лишь тихий, непрекращающийся смех — будто кто-то хихикал в углу, хотя там никого не было. Я начал есть то, что приносили «гости» — червей, слизь, непонятную органику. Голод заглушал отвращение.

На восемьдесят второй день я наконец увидел источник смеха: в дальнем углу стоял тёмный силуэт. Он не двигался, только смеялся — без остановки, без передышки. Это было неестественно. Я понимал, что либо это галлюцинация, либо что-то гораздо хуже.

Оставалось восемнадцать дней. Я цеплялся за эту мысль: «Ещё немного — и я выйду. Заберу деньги и уйду отсюда навсегда».

На девяностый день деньги перестали иметь значение. Ночью я проснулся от шороха под кроватью. Спрыгнув, я увидел труп — он был точь-в-точь как тот врач, который привёл меня сюда. Это уже не походило на эксперимент. Это походило на издевательство.

Я пытался звать на помощь, но в ответ слышал только стук в дверь — будто кто-то издевался надо мной, стуча с той стороны. Дверь казалась заколоченной: она не поддавалась.

За окном по-прежнему царила тень. Ни солнца, ни рассвета. Я начал слышать голоса — днём и ночью. Еду перестали приносить. Пятый день я держался на чёрной жиже из раковины. Она была отвратительной на вкус, но хоть как-то утоляла жажду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.